

Долганев Е. Е. Современная Абиссиния: Общественный строй, занятия, образ жизни и нравы. (Из рассказов туземца) // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 1. С. 96–119 (2-я пагин.). (Продолжение.)

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ.

Общественный строй, занятія, образъ жизни и нравы.

(изъ рассказовъ туземца).

Въ Абиссиніи туземное населеніе рѣзко распадается на два класса свободныхъ жителей: 1) высшій, аристократическій дворянскій классъ, называемый бала-рысть т. е. буквально—имѣющій наслѣдіе, землю и 2) баладже—буквально несобственникъ, безземельный, называемый иначе ахуай—мужикъ, холопъ. Земля такимъ образомъ является основаніемъ дѣленія на классы; по отношенію къ владѣльцу она является—„рысть“—достояніе, наслѣдіе, а по отношенію къ правительству, государству, она считается, какъ условіе военной повинности и называется „гаша“ буквально щитная земля, т. е. обязывающая своего владѣльца нести военную службу, которая отбывается такимъ способомъ. Старшій сынъ владѣльца обязанъ идти въ войско къ тому губернатору, въ чьей губерніи онъ жительствоуетъ. Губернаторъ опредѣляетъ ему мѣсто службы въ своемъ войскѣ и эта военная служба является единственною государственною должностію, съ которою связаны чины, награды, казенное жалованье и проч. Только на войнѣ абиссинецъ и можетъ отличиться и стать заслуженнымъ генераломъ или поступить въ свиту царя. Военная служба дворянъ вѣчная. е. до тяжелой болѣзни и преклонной старости, дѣлающихъ человека неспособнымъ къ военной службѣ. Тогда служака возвращается домой въ свой рысть. Въ военную службу дворянинъ отправляется съ 2—3 оруженосцами; семейный беретъ съ собою жену и дѣтей и поселяется въ томъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточено войско извѣстнаго генерала губернатора.

Устройство войска въ каждой губерніи возлагается на губернатора. Онъ высшій военный начальникъ губернскаго войска. За нимъ слѣдуютъ низшія должности: канезмачъ, предварительствующей лѣвымъ крыломъ, и граезмачъ, предводитель праваго крыла. Въ провинціяхъ, подчиненныхъ негусу есть еще должность—фитоварій, предводитель передоваго отряда, позади котораго обыкновенно слѣдуетъ и самъ негусъ. Во время войны въ войско забираются и холопы. Въ другое же время они могутъ служить добровольно.

„Рысть“—это наследственное владѣніе. Онъ представляетъ собою большой участокъ земли, принадлежащій цѣлой фамиліи. Рысть не продаваемъ и недѣлимъ между членами семейства—это потому, что рысть въ сущности царская земля, обязывающая своего владѣльца кромѣ военной службы еще къ извѣстной подати (гыбырь). Отсюда рысть еще значить податная земля. Обыкновенно рыстомъ владѣютъ нѣсколько семействъ, происшедшихъ отъ перваго владѣльца. Это цѣлый родъ, владѣющій рыстомъ и носящій фамилію, произведенную отъ имени перваго владѣльца. Самый рысть называется тоже этимъ именемъ. Области: тамбенская, сменская и др. заимствовали свои названія отъ именъ первыхъ владѣльцевъ. Если предокъ-владѣлецъ рыста прославился какими-нибудь подвигами, то эта слава принадлежитъ и его потомкамъ, населяющимъ „рысть“. Отсюда у абиссинцевъ существуютъ нѣкоторыя славныя, знаменитыя фамиліи, извѣстныя по всей Абиссиніи. Члены такой фамиліи вступаютъ въ бракъ съ членами не менѣе знаменитаго рода. На этомъ основано главное условіе брака—соотвѣтствіе фамилій. При погребеніи какого-нибудь члена рода, ритеры въ рѣчахъ подробно излагаютъ всю родословную покойнаго и славныя дѣянія его предковъ, записанныя въ лѣтописной памяти народа.

Браки не нарушаютъ въ Абиссиніи цѣлости фамилій; это потому, что носителемъ фамиліи служить тамъ не одна мужская линія, а и женская. Если послѣ брака новобрачные переселяются на жительство въ „рысть“ невѣсты, то потомки ихъ будутъ носить фамилію невѣсты т. е. того рыста, гдѣ поселились ихъ предки; и наоборотъ, если же-нихъ и невѣста, сочетавшіеся бракомъ станутъ жить въ рысть жениха, то тогда въ потомствѣ ихъ сдѣлается на-

слѣдственною фамилія жениха.

Какъ пользуются землею владѣльцы „рыста“?—Всѣ семейства, принадлежащія къ одной фамиліи, ежегодно получаемый съ рыста хлѣбъ дѣлятъ между собою. Словомъ: дѣлимы произведенія земли, но не самая земля. Есть такіе рысты, родъ владѣльцевъ коихъ прекратилъ свое существованіе. Каждый такой рысть поступаетъ въ казну и негусъ имѣетъ право подарить его кому-либо изъ безземельныхъ холоповъ, отличившемуся на войнѣ, и тѣмъ сдѣлать его дворяниномъ, славнымъ владѣльцемъ рыста и предкомъ новаго дворянскаго рода, въ преданіяхъ котораго остаются памятны: имя перваго владѣльца рыста, подвигъ, стяжавшій ему славу и милость царскую, и имя того негуса, при которомъ это случилось. Потомки холопа, ставшаго дворяниномъ, должны уже нести обязательную военную службу, а будучи холопами они были бы свободны отъ нея: холопы могутъ нести ее только добровольно.

Баладже или безземельные крестьяне, не имѣя своей земли, работаютъ на чужой, дворянской. Цѣлымъ семействомъ, съ женой и взрослыми дѣтьми холопъ работаетъ въ полѣ. Зажиточные холопы имѣютъ по нѣскольку паръ воловъ и ими работаютъ отъ мѣры, т. е. получая отъ владѣльца рыста условленную часть вымолоченнаго хлѣба. Холопъ беретъ себѣ у дворянина участокъ земли, обрабатываетъ его, собираетъ съ него хлѣбъ и пятую или четвертую часть его удѣляетъ помѣщику. Часто бываетъ, что два холопа, имѣющіе только по одному волу соединяются вмѣстѣ, образуя союзъ. Пара ихъ воловъ и ихъ семейства работаютъ сообща на участкѣ, выпрошенномъ у помѣщика, а вырученный хлѣбъ дѣлится между обоими холопами поровну. Холопъ, не имѣющій ни одного вола, работаетъ на участкѣ помѣщичьими волами и за это отдаетъ владѣльцу большую часть хлѣба, чѣмъ другіе. Въ Абиссиніи есть такія мѣста, гдѣ бываетъ двѣ или три жатвы въ годъ. Въ поземельной мѣрѣ жатва принимается за зиму. Единицей мѣры земли считается довольно крупный и плохо-опредѣленный клочекъ земли, на одиночную вспашку котораго одною парю воловъ требуется цѣлая зима,—онъ называется „мыхрамъ“—зимовикъ. Участокъ, вдвое большій его, опредѣляется такъ: мыхрамъ-цымди, буквально —двѣ зимы т. е.

то, что нужно пахать цѣлую зиму двумя парами воловъ; три зимы—участокъ, требующій для одиночной вспашки трехъ паръ воловъ и т. д. Обыкновенно холопъ, имѣющій только пару воловъ, беретъ себѣ одинъ мыхрамъ, а имѣющій много воловъ беретъ себѣ земли по числу паръ быковъ.

Обработка пахатной земли происходитъ такъ. Холопъ, взявшій цѣлый мыхрамъ, вспахиваетъ его не сразу, а по частямъ. Отмѣтивъ небольшой клочекъ земли, онъ разбрасываетъ на немъ сѣмя, потомъ вспахиваетъ его. За плугомъ, по бороздѣ идутъ слѣдомъ холопская жена и дѣти. Они сравниваютъ борозду голыми руками и выбрасываютъ изъ нея корни сорныхъ травъ. Тоже дѣлается на другомъ клочкѣ, на третьемъ и т. д., пока не будетъ засѣянъ и вспаханъ весь мыхрамъ. Пойдутъ обильные дожди, хлѣбъ быстро всходитъ и вырастаетъ и спѣетъ. Съ наступленіемъ жатвы холопъ снова со всею семьей въ полѣ. Мужъ жнетъ хлѣбъ, жена связываетъ его въ снопы, а дѣти сносятъ ихъ въ мѣсто, предназначенное для гумна. Мѣсто гумна опредѣляется по согласію нѣсколькими холопами вмѣстѣ. Въ центрѣ своихъ нивъ они выбираютъ ровное, круглое пространство земли, которое, послѣ уборки на немъ хлѣба, очищается отъ жнива и корней, поливается водою и утаптывается копытами воловъ. Трудъ устройства гумна раздѣляется между всѣми холопами, образовавшими союзъ. Близъ гумна складывается хлѣбъ союзниковъ. Каждый членъ ставитъ свой стогъ, такъ что со временемъ вокругъ гумна образуется кольцо изъ стоговъ. При молотбѣ наблюдается строго очередь, имѣющая въ основѣ или то, кто раньше убралъ хлѣбъ, или то, кто имѣетъ больше хлѣба или что-ниб. другое. Для вымолоченія хлѣба отпускаются всѣ волы, принадлежащія союзникамъ, а изъ людей въ работѣ участвуютъ лишь тѣ, чей хлѣбъ на очереди. Холопъ—членъ союза, вымолотившій свой хлѣбъ, обязанъ очистить гумно для слѣдующаго своего товарища, а этотъ—для третьяго и т. д. Но холопъ, имѣющій много воловъ и большой участокъ земли не прибѣгаетъ къ союзамъ и работаетъ одинъ на своемъ гумнѣ. По разбросанному на гумнѣ хлѣбу пускаютъ гуртъ быковъ. Чтобы волы не ѣли хлѣба, имъ стягиваются челюсти веревкой. Вокругъ гумна идетъ кольцомъ огорожа изъ камней, чтобы волы не разбѣгались въ сто-

роны. Ихъ гоняетъ холопскій мальчикъ кругомъ, пока не собьютъ всего хлѣба. Мелкую солому обыкновенно сохраняютъ какъ кормъ, а крупную разбрасываютъ по полю для удобренія земли. Вымолотивъ и просѣявъ свой хлѣбъ, холопъ тутъ же на гумнѣ отмѣриваетъ изъ него условленную часть владѣльцу, который при этомъ присылаетъ на гумно своего надсмотрщика. Изъ вырученнаго хлѣба холопъ часть везетъ на рынокъ мѣнять на серебро или на скоть, а часть оставляетъ себѣ. Когда требуется испечь нѣсколько хлѣбовъ, холопская жена насыпаетъ нѣсколько горстей зерна въ углубленіе большого камня и раздробляетъ въ немъ зерно. Полученная мука тщательно просѣвается чрезъ густое сито. Хлѣбы пекутся въ видѣ тонкихъ лепешекъ. Особенно вкусные хлѣбы бываютъ изъ тефа. Тефъ—это наиболѣе цѣнное въ Абиссиніи хлѣбное растеніе. Онъ растетъ низко и даетъ сѣмена, похожія на манную крупу. По вкусу ему уступаетъ пшеница и дагусъ, изъ котораго готовятъ хлѣбъ, квасъ и преимущественно опресноки—машилла. Тефъ еще употребляется въ качествѣ приправы къ различнымъ похлебкамъ, какъ у насъ рисъ. А изъ огородныхъ растений наиболѣе употребителенъ кабанъ, изъ котораго дѣлаютъ вкусную похлебку. вмѣсто вина абиссинцы пьютъ вкусный, хмѣльный напитокъ, „теч“, такъ какъ винограду въ Абиссиніи мало; да и вообще туземцы не любители древесныхъ плодовъ, которые во множествѣ гибнутъ тамъ даромъ. Уважаютъ развѣ только бананы, которыя достигаютъ здѣсь необыкновенныхъ размѣровъ и играютъ въ употребленіи туземцевъ такую же роль, какъ у насъ хлѣбъ-соль, т. е. ихъ подносятъ высокопоставленнымъ лицамъ, при встрѣчахъ, привѣтствіяхъ, поздравленіяхъ и проч.

Кромѣ земледѣлія абиссинскіе холопы занимаются еще скотоводствомъ. Оно состоитъ въ томъ, что какой-ниб. зажиточный холопъ скупаютъ молодыхъ быковъ, пасетъ ихъ, размножаетъ и проч. Такимъ образомъ у него образуется цѣлое стадо быковъ, которыхъ онъ продаетъ по частямъ, мѣняя на серебро. Кромѣ быковъ скотоводы скупаютъ овецъ и козъ. Пастбищемъ для скота служитъ гуляющая земля помѣщичьяю „рыста“. По ней нанятый скотоводомъ пастухъ гоняетъ стадо, за что владѣлецъ получаетъ отъ хозяина стада плату серебромъ или скотомъ. Считается вы-

годнымъ отдавать землю подъ пастбище, потому что она становится плодороднѣе. Скотъ холоповъ, живущихъ на рысѣхъ тоже пасется на помѣщичьей землѣ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Пастухъ этого стада питается очередными приношеніями хозяевъ скота; отсюда понятно, почему пастухъ считается въ Абиссиніи знатокомъ людей. Онъ по пищѣ судитъ о тѣхъ, кто ее готовитъ. Онъ можетъ безошибочно опредѣлить характеры всѣхъ обитателей своего района, потому всегда можетъ явиться желательнымъ помощникомъ амачу (свату).

Жизнь абиссинскаго аристократическаго семейства въ противоположность холопскому отличается полнымъ сибаритствомъ. Ни родители, ни ихъ дѣти положительно ничего не дѣлаютъ, пользуясь лишь трудами другихъ. Слуги исполняютъ все: готовятъ пищу, шьютъ одежду, моютъ ее, чистятъ домъ и проч. Лѣнь—это болѣзнь абиссинскаго дворянства, которая покоится на землевладѣніи и холопствѣ. Единственное занятіе для немногихъ интеллигентовъ — это охота, но она существуетъ, какъ развлеченіе. Охотникъ старается убить слона или льва и тѣмъ приобрести себѣ извѣстность. Самъ негусъ стремится къ славѣ искуснаго охотника. Какъ спеціальное занятіе, охота распространена только среди дикихъ языческихъ народовъ и мусульманъ, населяющихъ Абиссинію, каковы, напр., фалаша, оайта, галла, самалійцы и др. Абиссинскіе охотники не мечтаютъ о торговлѣ звѣриными шкурами, слоновою костью и проч. Но усердные изъ нихъ не прочь полакомиться жаркимъ изъ дикихъ птицъ или даже мясомъ гиппопотама. Въ немъ особенно цѣнятся кожа гладкая, мягкая и нѣжная; а изъ длиннаго тонкаго хвоста выходитъ прелестный кнутъ.

Отъ утра и до вечера абиссинскіе аристократы проживаютъ безвыходно въ своихъ домахъ. Визитовъ къ сосѣдямъ не водится, какихъ-нибудь прогулокъ, катаній и проч. тоже. Кой гдѣ въ семействахъ мужчины забавляются единственною въ Абиссиніи якобы азартной игрою „чевыта“. Она требуетъ пѣкоторыхъ соображеній и близко подходитъ къ нашей шашечной игрѣ. Когда аристократъ сидитъ или ходитъ, его обыкновенно окружаютъ слуги. Два изъ нихъ, занимая мѣста по сторонамъ своего владыки, обвѣиваютъ его опахами изъ страусовыхъ перьевъ и не даютъ назой-

ливимъ наскѣкомымъ беспокоить господина. Въ своемъ домѣ абиссинецъ не стѣсняетъ себя лишнею одеждою. Когда онъ дома, на немъ штаны, камись (хитонъ), плащъ (лэвса), окутывающій все тѣло и еще поверхъ что-нибудь, напр., борнусъ изъ сукна безъ рукавовъ, застегивающійся у шеи или лямде — коротенькая накидка съ причудливыми вырѣзами по краямъ. Но въ домѣ абиссинецъ носитъ одинъ плащъ — бѣлый, прикрывающій тѣло отъ пояса до ногъ. Вотъ и все. Ни въ домѣ, ни внѣ дома абиссинцы не носятъ шапокъ, и всѣ, даже негусъ всюду ходятъ босыми. Только больные носятъ сандали. Не безынтересно подробнѣе остановиться на абиссинской одеждѣ. Самая нижняя у каждого абиссинца одежда (въ томъ числѣ и женщина) — камись (хитонъ). Это длинная рубашка изъ бѣлой или цвѣтной льняной матеріи съ множествомъ мелкихъ застежекъ на груди и рукавахъ. Камись иногда вышивается дорогими узорами изъ золота или бисера, и въ такомъ своемъ видѣ свидѣтельствуетъ уже о значительныхъ заслугахъ того лица, на комъ онъ надѣтъ. Дорогой цвѣтной, шелковый камись съ вышивками часто дается негусомъ въ качествѣ награды. Камись дорогой уже не надѣвается на самое тѣло, а поверхъ другаго камиса — простаго. Интеллигентные абиссинцы носятъ еще подъ камисомъ широкія штаны, но не всегда. Сверхъ же камиса всегда надѣвается и накручивается вокругъ шеи и рукъ, охватывая все тѣло, лэвса — одежда древнихъ. Это широкій и длинный кусокъ изъ тончайшей бѣлой матеріи, сложенной обыкновенно вдвое или втрое. Лэвса стоитъ очень дорого. Съ пурпуровой шелковой полосой она указываетъ на знатность происхожденія носителя ея, а безъ нея носится всѣми безъ исключенія. Камись и лэвса это всеобщая одежда абиссинцевъ, носимая всѣми, начиная отъ негуса и кончая холопомъ. Далѣе слѣдуютъ случайныя одежды. Сюда относится борнусъ, — накидка изъ чернаго сукна безъ рукавовъ, застегивающаяся возлѣ шеи и покрывающая все тѣло ниже колѣнъ. Борнусъ обыкновенно одѣвается поверхъ всѣхъ другихъ одеждъ и имѣетъ назначеніе предохранить отъ вліяній атмосферы, почему его носятъ только въ дурную погоду. Борнусъ такой же, но покороче и спускающійся только до пояса уже называется макъ. Онъ дѣлается изъ овечьей волны. Франты изъ абис-

синцевъ надѣваютъ поверхъ всѣхъ обычныхъ одеждъ т. е. поверхъ камиса и лэвсы странную накидку подъ названіемъ лямды. Она дѣлается изъ цвѣтнаго атласа или бархата, вышивается разноцвѣтною шерстью и по виду походитъ на шерстяной макъ—короткій борнусъ, но съ тою разницею, что нижняя круговая линія лямды идетъ крутыми изгибами и изворотами. Растянутая лямда имѣетъ форму цѣльной звѣриной шкуры. Лямда имѣетъ еще значеніе привилегированной одежды абиссинскихъ сановниковъ и князей, у которыхъ она разукрашивается золотомъ и камнями. У охотниковъ лямдой служитъ цѣльная леопардовая шкура.

Абиссинскіе военные надѣваютъ сверхъ камиса поясъ, къ которому привязывается длинная дугообразная сабля. Въ лѣвой рукѣ воинъ держитъ щитъ изъ буйловой кожи, убранный золотыми и серебрянными бляхами, а въ правой—копье. Князья носятъ обыкновенныя одежды абиссинцевъ, а на голову надѣваютъ шапку изъ львиной гривы съ узкимъ золотымъ околышемъ. Это расъ-оркъ т. е. золотая голова. Ее можетъ надѣть только родовитый, владѣтельный князь.

У женщинъ камисъ—нижняя рубашка всегда бываетъ, какъ у духовныхъ, съ широкими рукавами. Женская лэвса отличается тѣмъ, что окутываетъ всю голову и спускается пониже мужской, такъ что часть ея волочится даже по землѣ. Борнусъ одинаковъ, какъ и у мужчинъ, такъ и у женщинъ. -

Какъ просты одежды абиссинцевъ, такъ несложны и ихъ жилища. Въ постройкѣ крестьянскаго дома участвуетъ весь околотокъ. Одни сносятъ матеріалъ, другіе строятъ стѣны, третьи выводятъ крышу, — это по братски — за спасибо. Отдѣленій для комнатъ въ абиссинской хижинѣ не полагается. У богачей роль комнатъ играютъ отдѣльныя зданія. Одинъ домъ—спальня, другой кухня, третій—кладовая и т. д. Абиссинскія хижинки съ своими коническими крышами похожи издали на грибы. Если посмотрѣть издали на городъ, то представляетъ странный видъ. Кажется будто между кустарниками и утесами кто-то разбросалъ въ беспорядкѣ остроконечныя шапки. Церкви и соборы выдѣляются изъ общей массы хижинъ только своей величиной, а не формой, и тѣмъ, что имѣютъ на оконечности крыши крестъ. Богатые абиссинцы устраиваютъ вокругъ своихъ домовъ

веранду: между стѣною дома и столбиками, поддерживающими навѣсъ крыши. Свѣтъ внутрь зданія проникаетъ лишь изъ дверей и отчасти изъ небольшого отверстія, оставляемаго обыкновенно между стѣнами и потолкомъ, оттого въ абиссинской хижинѣ темновато. Это, положимъ, кстати. Обстановка дома крайне убога. Земляной полъ усыпанъ травой. Въ качествѣ постели валяется на полу овечья шкура и кусокъ дерева вмѣсто подушки. Въ богатыхъ домахъ постель устраивается нѣсколько комфортабельнѣе. Вкапываются въ землю четыре столбика, на которыхъ укрѣпляется сѣтка изъ ремней, служащая тюфякомъ, а подъ голову кладется кожаная подушка; на полу стелются львиныя и леопардовыя шкуры. Вотъ все, что есть лучшаго въ богатомъ домѣ. Убогую обстановку дома дополняютъ военные доспѣхи и одежды, развѣшанныя на стѣнахъ, да два — три водоноса въ углу. Иконъ въ абиссинскомъ жилищѣ нѣтъ, такъ какъ живописцевъ едва хватаетъ даже для храма; кромѣ того абиссинцы, по смиренію своему, считаютъ недостойнымъ вѣшать святыню въ чадной избѣ. Для хранения имущества предназначается отдѣльное зданіе, устроенное попрочнѣе. Тамъ хозяева прячутъ дорогія ткани, кубки, накопленное золото и серебро. Богачемъ считается тотъ, кто имѣетъ мѣшокъ золота.

Когда подоспѣетъ время обѣда, всѣ господа разсаживаются на землѣ вокругъ большой корзины съ хлѣбами. Читается всѣми въ полголоса молитва: „отче нашъ“, которой предшествуетъ импровизованная молитва старшаго члена семьи. Этотъ обычай соблюдается всѣми. Между тѣмъ слуга выкладываетъ въ корзину поверхъ хлѣбовъ густую похлебку. Въ иныхъ домахъ вмѣсто корзины устраивается настоящій столъ, только низенькій, приземистый. На столѣ предъ каждымъ человѣкомъ возвышается нѣсколько хлѣбовъ, сложенныхъ одинъ на другой. Сверху кладутся бѣлые хлѣбы, а снизу какъ бы въ основаніе первыхъ — нѣсколько черныхъ. Слуга обходитъ столъ съ горшкомъ похлебки и собственною горстью раздѣляетъ ее на всѣхъ. Послѣ того, какъ баринъ принимаетъ вѣсть верхній хлѣбъ, слуга уже спѣшитъ положить похлебки на слѣдующій, потомъ на третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ со стороны господина заявленіе: „нѣальфѣллигимъ“ — я не желаю. На

обильной абиссинской трапезѣ подается нѣсколько похлебокъ, играющихъ роль одѣльныхъ блюдъ: похлебка изъ сѣмянъ тефа, сваренныхъ съ мелкими кусками говядины, похлебка изъ кабака, изъ дагуса и т. д. Послѣ похлебокъ обыкновенно ѣдятъ сырое бычачье мясо — „брондо“. Отъ бычачьей ноги или цѣлой грудины, подносимыхъ слугой, всякій отрѣзываетъ себѣ желаемую часть, которую съѣдаетъ съ перцемъ и разными горькими травами. Въ заключеніе въ качествѣ десерта подается сметана, напѣренная до красна и подправленная душистыми спеціями. Изъ напитковъ абиссинцы особенно любятъ свой національный „течь“. Онъ хранится внутри дома въ боченкѣ, вкопанномъ въ землю. Сквозь льняную крышку течь изъ боченка нацѣживается въ кубки. Подавая кубокъ господину, слуга тутъ же подставляетъ свою горсть и получаетъ въ нее немного питья. Кубки бываютъ разной формы, но болѣе употребительная—это форма нашего графина. Пьянства за абиссинской трапезой не бываетъ, да и вообще оно неизвѣстно еще въ Абиссиніи. При княжескихъ и царскихъ дворцахъ и въ домахъ зажиточныхъ дворянъ во время трапезы обычно фигурируютъ шуты, музыканты, пѣвцы, рассказчики и т. п.

Абиссинцы очень религіозны. Большинство изъ нихъ придерживаются стариннаго обычая молиться въ извѣстные часы дня. Что бы абиссинецъ ни дѣлалъ, но если пришелъ часъ молитвы, онъ бросаетъ свою работу и читаетъ молитвенное правило. Время опредѣляется по солнцу, а ночью—по звѣздамъ. Даже полночь — время сна не исключается изъ числа молитвенныхъ часовъ; правила приличія соблюдаются тоже строго. Люди равные по положенію при встрѣчахъ кланяются другъ другу и говорятъ: даль (Богъ) здоровье? — Слава Богу! какъ дневалъ? — Слава Богу! — Холонъ при встрѣчѣ съ дворяниномъ отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ, касаясь рукою земли. Тоже дѣлаютъ всѣ младшіе предъ старшими, напр., священники предъ епископомъ, воины предъ генераломъ, подданные предъ негусомъ и проч. Дѣти цѣлуютъ родителей въ колѣна, духовныя лица цѣлуютъ другъ друга въ плечи. Друзья и товарищи при встрѣчѣ только кланяются, но не цѣлуютъ одинъ другаго. Цѣлованіе въ Абис-

синиі возможно лишь между самыми искренними и преданными друзьями. Такіе люди отъ души награждаютъ другъ друга несчетнымъ числомъ поцѣлуевъ. Между тѣмъ враги надѣляются другъ друга выраженіями: сынъ нищей, сынъ воровки, габро (рабъ), габаръ (мужикъ) и проч. Абиссинское общественное мнѣніе наиболѣе преслѣдуетъ воровъ и прелюбодѣевъ. Весь родъ вора презирается. Съ прелюбодѣемъ мужъ обезчещенной можетъ сдѣлать, что захочетъ, даже убить безнаказано. Соблудившая остается безнаказанною и даже не подвергается укорамъ, между тѣмъ какъ преступившій съ нею всюду наказывается презрѣніемъ и награждается самымъ низкимъ именемъ: „сорокъ разъ воръ“.

Рабство въ Абиссиніи еще существуетъ, но со времени негуса Иоанна оно ослаблено. Все-таки и теперь рабъ не имѣетъ права жаловаться на своего господина судѣ. Если рабъ убѣжитъ, то господинъ имѣетъ право его разыскивать. Вѣрный рабъ по истеченіи нѣкотораго времени можетъ получить свободу. Предъ смертью господина рабы окружаютъ его одръ и выслушиваютъ его волю въ присутствіи свидѣтеля-духовника. Въ этотъ моментъ рѣшается участь рабовъ. Кому дается свобода и отпущеніе, кому приказывается оставаться въ рабствѣ, а иному дается не только свобода, но и право пользоваться „рыстомъ“ (имѣніемъ) наравнѣ съ другими родственниками умирающаго. Строгіе господа бываютъ жестоки съ рабами, тираниать ихъ. Если господинъ желаетъ вывѣдать отъ раба какую-нибудь тайну, то можетъ подвергать его какимъ угодно пыткамъ. Продать своего раба господинъ можетъ свободно, но убійца раба самъ наказывается смертію. Рабъ, принявшій христіанство, получаетъ свободу. Вообще абиссинцы не берутъ къ себѣ рабами христіанъ. Купцы доставляютъ въ Абиссинію рабовъ, набранныхъ или захваченныхъ изъ сосѣднихъ магометанскихъ и языческихъ племенъ, каковы: галла, саманійцы, шанкала, омайты и др. Стоимость раба приблизительно опредѣляется 100—200 рублей.

Зажиточные священники тоже имѣютъ рабовъ. Вообще семья священника по образу жизни, домашней обстановкѣ и проч. принадлежитъ къ разряду дворянскихъ семей. Священники имѣютъ гульть (церковную землю) и холоповъ, какъ и дворяне. Но нужно замѣтить, иные изъ абиссин-

скихъ дворянъ не чужды нѣкотораго презрительнаго взгляда на приходскихъ священниковъ. Имя каши—попъ одно изъ ругательныхъ словъ въ Абиссиніи. Абиссинцамъ собственно не нравится частое причащеніе священниковъ. Причащаться часто по понятіямъ абиссинцевъ значитъ не имѣть никакого уваженія къ св. Тайнамъ, не имѣть страха Божія, быть гордецомъ и проч. Священниковъ за еженедѣльное причащеніе св. Таинъ обзываютъ презрительно „недѣльниками—самонаня“. Поэтому въ Абиссиніи священникамъ предпочитаютъ монаховъ, которые по смиренію приступаютъ къ таинству не болѣе, какъ разъ въ 5 — 10 лѣтъ. Многимъ не нравится также хожденіе священниковъ по домамъ на поминальные и праздничные обѣды и особенно на свѣтлой недѣлѣ.

Въ Абиссиніи есть небольшая горсть торговцевъ. Но собственно обороты ихъ незначительны. Торговое дѣло не имѣетъ тамъ правильной организаціи. Собственно говоря торговля въ Абиссиніи и не можетъ быть широкой, потому что каждый домъ, каждое семейство, будь оно аристократическое или холопское, при самыхъ узкихъ потребностяхъ жизни, довольствуется работой рукъ своихъ. Мужъ, жена, дѣти, слуги, рабы при взаимномъ раздѣленіи труда удовлетворяютъ всѣ насущныя потребности всего своего семейства. Изъ льна и пеньки жена дѣлаетъ нитки, мужъ шьетъ одежды и моетъ ихъ въ рѣкѣ, дѣти собираютъ дрова и т. д. Абиссинцы нуждаются только въ готовой матеріи, которой сами не дѣлаютъ; ее можно приобрести на мѣстѣ у какого-нибудь сосѣда магометанина.

Торговля абиссинцевъ ведется съ индійцами, греками, арабами, евреями, итальянцами и французами. Самый важный рынокъ, гдѣ сбываются абиссинскія произведенія и взаимнѣ ихъ получаютъ иностранцы,—это Массова, на берегу Краснаго моря. Здѣсь абиссинцы покупаютъ ковры, шелкъ, парчу, оружіе, вино, а сами взаимнѣ этого сбываютъ золото, воскъ, кофе, хлѣбъ, скоть и кожи.

Внутренняя торговля состоитъ въ эксплуатаціи иностранныхъ товаровъ, приобретенныхъ абиссинскими купцами въ Массовѣ и Таджурѣ, а также въ обмѣнѣ мѣстными произведеніями. Мѣстомъ торговли служатъ базары. Каждый городъ, каждое большое селеніе открываетъ у себя базаръ

еженедѣльно въ свой базарный день. Такъ, напр., въ Адуа бываетъ базаръ въ каждую субботу, въ Аксумѣ—въ пятницу, въ Гондарѣ—въ четвергъ. Въ воскресенье всѣ рынки бываютъ закрыты. На базарныхъ рынкахъ кромѣ иностранныхъ сбывается масса туземныхъ товаровъ: хлѣбъ, скотъ и проч.

Площадь рынка въ базарный день сплошь вся бываетъ занята толпою покупателейъ и продавцевъ. Тутъ же среди этой площади возвышается курганъ для правительственныхъ объявленій. Когда негусъ или его намѣстникъ пожелаетъ что-либо объявить всему населенію губерніи, то для этого стоитъ только разослать гонцовъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ тотъ день открываются базары. Ауджъ-нугарить — губернский глашатай, взобравшись на курганъ среди базарной площади сзываетъ къ себѣ народъ условнымъ гудкомъ въ руку. Со всего базара народъ стекается къ кургану. Когда движеніе и говоръ утихнутъ, глашатай послѣ обычнаго прославленія негуса и пожеланія ему долголѣтняго царствованія излагаетъ устно содержаніе правительственнаго указа или объявленія. По окончаніи чтенія народъ произноситъ: „аминь“—Обычно всѣ царскіе указы и объявленія начинаются такими фразами: „Царству эіопскому указъ царя царей Менелика“.

Слушайте, слушайте! (сыма—сыма). Да не дастъ Богъ согласія врагамъ горъ и холмовъ.

Слушайте, слушайте! Да не дастъ и врагамъ Менелика, государя нашего.

Слушайте, слушайте! И врагамъ Божіей Матери.

Желая прославить нашу страну, наше царство . . . (идетъ содержаніе указа), въ концѣ котораго добавляются слова: „человѣка же говорящаго: „я не принимаю сего“,—приведите ко мнѣ.

Въ Абиссиніи существуетъ небольшая горсть населенія подъ таинственнымъ именемъ „тавивъ“, что значитъ мудрецы, по амгарски „будда“. Тавивы или будды по профессіи ремесленники. Они обыкновенно живутъ группами, сплочиваясь другъ къ другу. Нѣсколько тавивскихъ семействъ образуютъ цѣлое селеніе. Встрѣчаются смѣшанные поселки т. е. такіе, населеніе которыхъ состоитъ и изъ тавивовъ и не тавивовъ, но и въ нихъ тавивскія семей-

ства группируются въ одномъ мѣстѣ отдѣльно отъ другихъ, занимая цѣлую половину селенія. Дома тавивовъ—это мастерскія, въ которыхъ выдѣлываются всѣ предметы домашнего и хозяйственного обихода. Тавивъ—столяръ, тавивъ копаются въ горахъ, доставая изъ нѣдръ земли желѣзную и мѣдную руду, золото, серебро. Изъ металовъ тавивы выдѣлываютъ сохи, топоры, ножи, мечи, лопаты и пр. Кроме того жена тавива непременно горшечница; она дѣлаетъ изъ глины горшки, водоносы, кадки и проч.

Ремесленное искусство въ Абиссиніи наслѣдственно т. е. передается отъ родителей къ дѣтямъ. Дѣти мужскаго пола, помогая отцу и работая съ нимъ, усвояютъ отъ него столярное и кузнечное мастерство, а дѣвочки научаются отъ матери горшечному дѣлу. вмѣстѣ съ тѣмъ сословіе ремесленниковъ окружается въ народномъ сознаніи какою-то таинственностью. Тавивъ — „нужный человѣкъ“, но онъ представляется человѣкомъ, знающимъ тайны бытія и умѣющимъ творить „чары“. Самое поведеніе тавивовъ и образъ жизни ихъ питаютъ это народное убѣжденіе. Дѣло въ томъ, что тавивы живутъ совершенно отчужденно отъ другаго общества, составляя собою особый міръ, касту чуждую тѣхъ возрѣній и того склада жизни, которыя существуютъ вокругъ ихъ. Абиссинецъ идетъ къ тавиву только за дѣломъ, чтобы поручить ему работу и получивъ свое, оставляетъ порогъ тавива. Связи тавивовъ съ народомъ только дѣловыя. Бракъ въ семьѣ тавива это кастовое торжество, въ которомъ принимаютъ участіе одни тавивы. Съ другой стороны народъ видитъ, что тавивы живутъ не такъ, какъ другіе люди. Занятіе ихъ особое, способности тоже — ихъ и называютъ мудрецами. Они и къ религии индифферентны, погружены въ свою работу. А эта работа—не одно только ремесло столярное или кузнечное, а и нѣчто большее. Тавивы умѣютъ лучше другихъ приспособляться къ жизни: у нихъ какъ-то лучше дѣла идутъ. Случится ли пожаръ, или моръ или нападеніе разбойниковъ на мѣстность,—тавивы при этихъ общественныхъ бѣдствіяхъ умѣютъ какъ-то оставаться невредимыми. Кажется, будто они знаютъ и дѣлаютъ то, чего не знаютъ и не могутъ дѣлать другіе. Мало того,—существуетъ убѣжденіе, что тавива опасно обидѣть или поссориться съ нимъ: онъ отомститъ по своему.

Онъ можетъ какъ то наслать смерть на своего врага, хотя бы тотъ былъ отъ него за тридевять земель. Какъ это можно сдѣлать, извѣстно однимъ только тавивамъ т. е. мудрецамъ. Образъ жизни тавива и сложившееся о нихъ мнѣніе прочно охраняютъ эту касту отъ вторженія въ нее новыхъ свѣжихъ элементовъ, т. е. не можетъ случиться, чтобы какой-нибудь абиссинецъ—не тавивъ по роду взялся за какое-нибудь ремесло. Вѣдь онъ въ такомъ случаѣ сдѣлается предметомъ тайной ненависти всего общества и на него перенесутъ все, что говорятъ о другихъ ремесленникахъ т. е. станутъ считать опаснымъ человѣкомъ, другомъ сатаны, колдуномъ, будутъ чуждаться его. Онъ опозоритъ и себя и весь свой родъ, который отселѣ станетъ тавивскимъ. Мѣстечко „Мынджи“ извѣстно по всей Абиссиніи, такъ какъ оно все состоитъ изъ однихъ тавивовъ. Кто изъ Мынджи, того всѣ обходятъ и опасаются имѣть съ нимъ какое-нибудь общеніе. Общество тавивовъ строго хранитъ въ тайнѣ все достояніе своей мудрости, какъ будто подъ клятвой не сообщать его другимъ—не тавивамъ. Если какой-нибудь тавивъ, проникнувшись благочестіемъ, оставляетъ свое занятіе и перемѣняетъ образъ жизни, то и въ такомъ случаѣ онъ не открываетъ извѣстныхъ ему тайнъ. Онъ совершенно какъ бы порываетъ связь съ прошлымъ и начинаетъ новую жизнь, нося на своемъ челѣ печать задумчивости. Онъ старается даже не воспоминать о прошломъ. Всѣ это знаютъ и потому не побуждаютъ его на воспоминанія.

Но въ самомъ обществѣ есть орудіе портивъ тайныхъ дѣлъ тавивовъ. Фавуасъ-цѣлитель знаетъ средства противъ болѣзней, посылаемыхъ тавивами. Очъ есть почти въ каждомъ селѣ. Если кто заболѣетъ тою болѣзнію, которая считается слѣдствіемъ чаръ тавива, немедленно посылаютъ за фавуасомъ, называемымъ еще „медганить“—спаситель. Симптомы этой болѣзни извѣстны тамъ каждому. Она продолжается недолго и наступаетъ неизбежно смерть, если фавуасъ не подоспѣетъ во время. Онъ приноситъ съ собою стклянку какого-то лѣкарства, которое даетъ выпить больному; послѣ этого у больнаго наступаетъ сильный бредъ; тутъ фавуасъ задаетъ вопросы больному, причемъ относитъ ихъ не лично къ больному, а къ тому таинственному не-

вѣдомому человѣку, который считается виновникомъ болѣзни т. е. къ чародѣю тавиву. Отвѣты на вопросы говорить больной, но предполагается, что это его устами говорить тавивъ. Отвѣты эти сообразно вопросамъ касаются того, когда больной видѣлся съ тавивомъ, близко ли знакомъ съ нимъ, что послужило причиной ссоры, при какихъ обстоятельствахъ, гдѣ и когда она произошла и пр. Потомъ фавуасъ обращается къ больному съ такими словами, относя ихъ впрочемъ къ самому отсутствующему тавиву: „прости его и не дѣлай ему зла“! Больной отъ лица тавива говоритъ: „прощаю“. Потомъ фавуасъ требуетъ отъ тавива клятвы въ томъ, что онъ исполнитъ свое слово. Уста больного, считающіяся въ эту минуту органомъ самого тавива, произносятся ее. Послѣ этого слѣдуетъ обыкновенно быстрое выздоровленіе больного. Лѣкарство, приготовленное фавуасомъ, какъ средство отъ извѣстной болѣзни, имѣетъ еще и другое примѣненіе. Оно носится въ стеклянкѣ на груди и считается также средствомъ, предохраняющимъ отъ злыхъ дѣйствій тавива. Кто отправляется къ тавиву по какому-либо дѣлу, первымъ долгомъ запасается этимъ средствомъ, чтобы быть внѣ опасности со стороны чаръ тавива. Предубѣжденіе относительно тавивовъ существуетъ во всѣхъ слояхъ общества у дворянъ, холоповъ, у духовенства, у князей, у правителей и царей.

Кромѣ тавивовъ существуютъ еще кудесники—люди, которыхъ специальное занятіе — волхвованіе, прорицаніе и проч.,—это танкуай—пророки. Танкуай окруженъ цѣлой свитой слугъ, самъ ничего не дѣлаетъ и никуда не выходитъ изъ дому. Къ нему въ домъ приходятъ всѣ, желающіе узнать свою судьбу или исходъ какого-нибудь дѣла. Танкуай искусственно вызываетъ въ себѣ духъ прорицанія, напр., посредствомъ разныхъ куреній или специальной музыки, дѣйствующей гипнотизирующимъ образомъ на сознание прорицателя. Подъ вліяніемъ этихъ средствъ танкуай впадаетъ въ экзальтированное состояніе и бормочетъ какія-нибудь непонятныя слова, которыя слугами истолковываются въ извѣстномъ смыслѣ. Но есть прорицатели и не прибѣгающіе къ этимъ одурманивающимъ средствамъ и говорящіе свои прорицанія ясными и понятными выраженіями. Источникомъ ихъ прорицанія служатъ или какія-либо примѣты или вы-

раженія лица, глазъ вопрошающаго, но большею частью прорицатели гадаютъ по звѣздамъ. Они по этому хорошо знаютъ движенія свѣтилъ небесныхъ. Среди нихъ усовершенствованы астрономическія познанія, при чемъ къ этимъ познаніямъ примѣшанъ элементъ чудесности, волхвованія. Въ своемъ мѣстѣ говорилось о добтарахъ, какъ о гадалахъ. Добтары—это ученые люди, получившіе высшее туземное образованіе. Они обычно занимаются перепиской книгъ. Вотъ эти-то добтары и являются главнымъ образомъ эксплуататорами народнаго невѣжества. Упоминалось объ ихъ продѣлкѣ относительно тайныхъ именъ Божіихъ.

Скептики нерѣдко обращаются къ добтарамъ съ просьбою показать имъ злыхъ духовъ. Добтара приводитъ скептика ночью на берегъ рѣки или глубокаго озера. Тутъ они останавливаются. Въ теченіе одного или двухъ часовъ ученый кудесникъ читаетъ какую-то ему одному извѣстную книгу. Таинственная обстановка производитъ такое дѣйствіе на скептика, что тотъ начинаетъ робѣть, волноваться и нерѣдко вообразивъ себѣ ужасныя картины, падаетъ безъ чувствъ. Любопытство не обходится и безъ несчастныхъ случаевъ. Очень нерѣдки въ Абиссиніи слухи о томъ или другомъ человѣкѣ, умершемъ отъ страха при видѣ вызванныхъ добтарой духовъ.

Существуетъ даже цѣлая книга гадательная— „мацгафъ—танкуай“; въ ней собраны тѣ свѣдѣнія, которыми обладаютъ разные прорицатели (танкуай), добтары, тавивы и проч. Но эта книга не всѣмъ доступна; она вращается лишь въ средѣ самихъ носителей тѣхъ знаній, которыя въ ней заключаются, да открывается лишь предъ тѣмъ, кого захотятъ сами мудрецы посвятить въ тайны бытія... Слѣдуетъ упомянуть еще о множествѣ всевозможныхъ заговорщиковъ и заклинателей, всюду разсѣянныхъ по Абиссиніи. Ихъ дѣло заговорить отъ язвы, отъ смертельнаго укуса змѣй, пауковъ, скорпіоновъ и проч.

Но всѣхъ этихъ волхвовъ и мудрецовъ нужно отличать отъ мудрецовъ другого рода—математиковъ, называемыхъ „бала-гасавъ“, т. е. знающіе число. Они обладаютъ недюжинными способностями ко всякаго рода вычисленіямъ, которыя дѣлаютъ въ головѣ, мысленно, безъ бумагъ и чернилъ. Способность эта развивается у нѣкоторыхъ аббиссин-

ских математиковъ до того, что онъ напр., въ минуту времени опредѣляетъ, когда будетъ пасха въ томъ или иномъ году.

Въ Абиссиніи строго придерживаются еще обычая: на ежедневной молитвѣ употреблять арифметическія вычисленія. Каждая церковная служба начинается опредѣленіемъ того, какой въ настоящій моментъ день и часъ, какое число, мѣсяцъ, годъ отъ сотворенія міра и Рождества Христова, какой лунный кругъ, солнечный, золотое число, епакта и пр. Такое предисловіе читается предъ началомъ каждой службы вслухъ всего народа.

Когда кто-нибудь изъ мудрецовъ говѣетъ, духовникъ налагаетъ на него строгую эпитимію—собственно за волхвованіе. Негусъ Іоаннъ, предшественникъ нынѣ царствующаго Менелика, былъ врагомъ всякихъ волхвованій и строго преслѣдовалъ волхвовъ. Въ его царствованіе ихъ много убито, повѣшено и бито кнутами. Но Менеликъ питаетъ симпатіи къ волхвамъ. Это можетъ быть потому, что когда онъ былъ еще простымъ княземъ, они пророчили ему царство. Теперь при Менеликѣ волхвованіе свободно процвѣтаетъ въ Абиссиніи.

Абиссинцы одарены впечатлительной, поэтической натурой. Это отражается даже въ ихъ частныхъ бесѣдахъ. Рѣчь абиссинца цвѣтита, испещрена всегда таинственными образами, уподобленіями, аналогіями, подслащена остроуміемъ и вдохновлена. Рѣчь простая, безъ всякихъ украшеній ни во что тамъ не цѣнится и не имѣетъ никакой убѣдительности. Абиссинецъ стыдится сказать простую фразу, не подкрѣпленную пословицами, афоризмами, изреченіями какихъ-нибудь знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви. Для истинъ метафизическихъ абиссинцы берутъ всегда аналогіи изъ физическаго міра и особенно изъ жизни земледѣльческой и пастушеской; но лучшимъ источникомъ аргументовъ считается, конечно, Библія.

Въ Абиссинскомъ народѣ ходитъ много поэтическихъ сказаній о знаменитыхъ абиссинскихъ царяхъ, напр. объ Аврыхъ и Уацвихъ (близнецахъ), первыхъ христіанскихъ государяхъ Эіопіи; о Зараа-Яковѣ, Лывиѣ-Дынгаль, Василидѣ и другихъ. Всѣ они выступаютъ въ народныхъ сказаніяхъ преимущественно, какъ нравственные личности. Есть еще

сказки, большею частію изъ земледѣльческаго и пастушескаго быта, и басни, въ которыхъ героями являются животныя. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ тоже явственно проглядываетъ нравственная тенденція. Баснословныхъ сказаній о сильныхъ великанахъ, о чародѣяхъ, духахъ и проч. мало.

Къ сожалѣнію у Абиссинцевъ нѣтъ писаннаго эпоса. Всѣ произведенія прежнихъ поэтовъ и нынѣшнихъ распространяются и передаются устно. Для живаго, поэтическаго творчества не закрыта даже область богослужбная. Въ своемъ мѣстѣ говорилось о поэтической школѣ „кне“ и о томъ, какъ питомцы ея выступаютъ съ своими произведеніями во время Богослуженія и исполняютъ ихъ при общемъ участіи всего церковнаго хора. Наилучшія изъ этихъ произведеній усвоятся народной памятью и хранятся въ ней. Лице, одаренное поэтическимъ даромъ и сочиняющее стихи свѣтскаго содержанія, называется въ Абиссиніи такъ: азмари. Онъ напоминаетъ нашего вѣщаго бояна. Обычно худощавый, задумчивый, съ впалыми глазами, азмари странствуетъ съ своей единственной подруги—скрипкой. Послѣдняя имѣетъ форму четырехугольнаго ящика съ ручкой и одной только струной. Азмари распѣваетъ то добровольно, то по приглашенію. На торжествахъ, свадьбахъ, именинахъ, праздничныхъ обѣдахъ и проч.,—всюду выступаетъ азмари съ своими вдохновенными пѣснями и скрипкой. У негуса тоже есть любимецъ азмари. Когда царь грустенъ и омраченъ тяжелой душой, онъ призываетъ своего азмари. Это часто бываетъ за обѣдомъ, въ присутствіи многихъ гостей. Пѣвецъ смѣло выступаетъ предъ царскія очи и не стыдится воспѣвать правду. Въ трогательной мелодіи, въ таинственныхъ образахъ и выраженіяхъ онъ одинаково рисуетъ какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны современнаго царствованія и нерѣдко возводитъ мысли слушателей къ временамъ прошлымъ, воспѣвая славныя дѣянія предковъ.

Въ пѣсняхъ азмари можно услышать о многихъ выдающихся событіяхъ абиссинской исторіи. Особенно часто слышится въ нихъ имя покойнаго негуса Іоанна, умъ и энергія котораго нашли безпристрастную оцѣнку въ народѣ. Когда азмари особенно вдохновенъ, пѣвучія рѣчи его становятся такъ таинственными, глубокомысленными, что ока-

зываются недоступными пониманію слушателей, которые съ удивленнымъ вниманіемъ стараются проникнуть за завѣсу образовъ и угадать тайну, скрытую за ними. Когда нужно открыть глаза негусу, напомнить ему о какой-нибудь сдѣланной имъ несправедливости или ошибкѣ, князья и правители обращаются къ азмари съ просьбой выразить все это предъ негусомъ въ таинственной пѣсни. Царь слушаетъ рѣчь азмари, чувствуетъ ея горечь; укоры поэта трогаютъ его совѣсть и онъ берется загладить свою вину. Личность азмари пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ. Его награждаютъ подарками, а любимца негуса за смѣлыя рѣчи князья и дворяне осыпаютъ богатствами.

На похоронахъ и тризнахъ выступаетъ алкачъ (плакунъ). Когда онъ говоритъ надъ гробомъ мертвеца, его рѣчи вызываютъ плачь не только у родственниковъ умершаго, а и у постороннихъ лицъ. Въ своей стихотворной рѣчи алкачъ сначала излагаетъ родословную умершаго, перечисляетъ цѣлый рядъ его предковъ и восхваляетъ ихъ славныя дѣянія, а потомъ выводитъ и заслуги покойнаго. Алкачъ тоже пользуется въ народѣ уваженіемъ, но въ отличіе отъ азмари имѣетъ свою семью, домъ и хозяйство. Почти въ каждомъ селѣ можно найти двухъ-трехъ алкачей, между тѣмъ азмари встрѣчаются рѣже.

Какъ злоупотребленіе правами поэта является поведеніе хамьена—странника. Онъ со всѣмъ своимъ семействомъ ходитъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, восхваляя хозяевъ и выманивая подарки. Хамьенъ получаетъ много, что даетъ ему возможность наживаться и накапливать большія богатства, тѣмъ не менѣе онъ не бросаетъ своей выгодной профессіи странствующаго поэта, передавая ее и своимъ дѣтямъ. Подойдя къ дверямъ дома, хамьенъ съ участіемъ жены и дѣтей нахально заводитъ свой гимнъ. Будь это днемъ или ночью—для него все равно: хозяинъ долженъ встать и отмѣрять хамьену, что слѣдуетъ, иначе получить по своему адресу цѣлый градъ ругательствъ и имя его будетъ злословиться всюду, куда направитъ свой страннической путь хамьенъ. Потому и сложилась у ависсинцевъ поговорка: онъ сквернословитъ, какъ хамьенъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакой защиты противъ дерзости и нахальства хамьена. Судиться съ нимъ нельзя и никакой судья

не въ силахъ бороться противъ того, что укоренилось уже вѣковыми обычаями страны. Остается дать хамѣну подарокъ и за это услышать по крайней мѣрѣ хвалебную пѣснь своимъ добродѣтелямъ. Такъ и дѣлаютъ обыкновенно абиссинскіе обыватели и тѣмъ избавляются отъ назойливости поэта.

Абиссинцы очень набожны и проникнуты покаяннымъ чувствомъ. Кто почувствуетъ себя дурно, сейчасъ зоветъ своего духовника съ намѣреніемъ открыть предъ нимъ свою душу, чтобы не умереть безъ покаянія. Такъ какъ въ Абиссиніи нѣтъ обычая хранить запасныхъ св. Даровъ, то для того, чтобы причастить больнаго, служится нарочно литургія, — обыкновенно литургія св. Епифанія, какъ самая краткая. Такимъ образомъ промежутокъ между исповѣдію и причащеніемъ бываетъ значительный, тѣмъ болѣе, что на больнаго налагается еще небольшая епитимія. Для тяжело больнаго бываетъ „біана“ — снисхожденіе, т. е. на него вопреки церковнымъ правиламъ не налагается епитимія по его грѣхамъ. Но „біани“ даетъ не самъ духовникъ, а какой-нибудь находящійся вблизи ученый архимандритъ, къ которому духовникъ обращается съ просьбою — разрѣшить больному причащеніе св. таинъ. Бываетъ, что больной умираетъ только исповѣдавшись, но не причастившись. Въ случаѣ выздоровленія больнаго послѣ исповѣди, „біани“ теряетъ свою силу и вступаютъ въ свое дѣйствіе церковныя правила, т. е. причащеніе откладывается до истеченія законнаго срока епитиміи. Духовникъ призывается еще къ умирающему въ качествѣ свидѣтеля его послѣднихъ словъ, въ которыхъ онъ намѣренъ выразить свою волю. При разлученіи души съ тѣломъ, духовникъ читаетъ отходную. Тѣло умершаго оmyвается три раза водою, облачается въ чистыя одежды и тщательно закутывается съ головою въ плащаницу и обвязывается по рукамъ и ногамъ веревками (пеленами). Въ домѣ повитое тѣло полагается на столѣ. Между тѣмъ въ ближайшія населенныя мѣста посылаются гонцы съ извѣщеніемъ о смерти. Каждый гонецъ, войдя въ село, взбирается на возвышенное мѣсто и издаетъ протяжно звукъ: у-у-у-у... Это служитъ знакомъ, что есть умершій. Народъ стекается къ гонцу, чтобы узнать, гдѣ и кто умеръ. Нужно замѣтить, что абиссинцы одной мѣстно-

сти хорошо знают другъ друга по именамъ. Имя употребляется въ домашнихъ и общественныхъ отношеніяхъ не крещальное, а другое, данное самими родителями. Встрѣчаются, напр., имена: „моя радость“, „сынъ моей печали“, „какой красивый“, „счастливецъ“, „утѣшеніе скорби моей“, „помощникъ“ и т. п. Эти имена употребляются всегда и совершенно вытѣсняють крещальное имя, которое произносится только въ церковныхъ молитвахъ.

По уходѣ гонца вѣсть о смерти быстро разлетается по всему селу. Всѣ знающіе умершаго отправляются въ то мѣсто, гдѣ онъ умеръ, отдать ему послѣдній долгъ. Духовенство тѣхъ селъ, куда заходилъ гонецъ, тоже обязано отправиться на погребеніе. Всѣ священники и діаконъ съ большимъ выноснымъ крестомъ идутъ въ домъ покойника. Когда соберется духовенство всѣхъ приходо́въ, гдѣ былъ гонецъ, по числу крестовъ можно опредѣлить, сколько приходскихъ причтовъ участвуетъ въ погребеніи. Каждый крестъ имѣетъ привязанную къ нему узкую, цвѣтную ленту, которая служитъ знаменемъ. По лентѣ на крестѣ опредѣляютъ, изъ какого храма причтъ, сосредоточенный вокругъ этого креста. Всѣ кресты несутся впереди гроба и около каждаго креста идетъ отдѣльно причтъ той церкви, знаменемъ которой является крестъ. До выноса тѣла изъ дома вычитывается первая часть погребальнаго чина. Въ пути отъ дома до церкви читаются слѣдующія четыре части; въ самомъ храмѣ—шестая часть, а при опусканіи тѣла въ могилу—седьмая, послѣдняя. Когда несутъ тѣло, возлѣ него по бокамъ идутъ родственники умершаго. Тутъ же идутъ профессиональныя плакальщицы и плакальщики, усиливающіе тоску своими завываніями и всхлипываніями. На пути между домомъ и церковью шествіе нѣсколько разъ останавливается. Въ одну изъ такихъ остановокъ предъ трупомъ выступаетъ алкачъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь, указывая рукою на повитаго мертвеца. Можно привести образецъ такой рѣчи. Напримѣръ, алкачъ говорить: „сынъ Цаги, знаменитаго полководца, сынъ Адоры, ловкаго охотника, сынъ Тесфы, убившаго при Негусѣ Малакъ-Сагидѣ великаго деспота Дамботскаго, сынъ Цагайлы, побѣдившаго при Негусѣ Василидѣ Галлановъ... (словомъ—исчисляются предки по восходящей линіи). Этотъ сынъ столькохъ и столь ве-

дикихъ людей былъ мудръ дѣломъ и искусенъ въ копѣѣ. Ему владыка Валакскій пожаловалъ своего княжескаго мужа за храбрость въ битвѣ съ мусульманскимъ народомъ Омайтами. Дикіе Бекліицы подносили ему груды золота за голову плѣннаго имъ и казненнаго при Негусѣ Феодорѣ ихъ султана Бедда... Все сіе доказываетъ, какъ великъ былъ сей мужъ "... Далѣе въ трогательныхъ словахъ ораторъ изображаетъ убійственную тоску и грусть по умершемъ. Въ это время вопли и рыданія въ толпѣ необыкновенно усиливаются. Родственники же умершаго наперерывъ стараются какъ можно явственнѣе выразить свою скорбь. Съ криками „уай-уай“!—они падаютъ на землю, бьются головами о камни, рвутъ на себѣ одежды и волосы, сдираютъ ногтями кожу на лбу и вискахъ. Сдираніе кожи считается общеобязательнымъ способомъ выраженія скорби по умершемъ. Раны на лицѣ, какъ нѣкотораго рода трауръ, должны на долгое время быть очевиднымъ признакомъ потери близкаго лица. Чтобы соревнованіе родственниковъ въ оплакиваніи покойника не перешло извѣстнаго предѣла, къ нимъ приставляются хранители, обязанные слѣдить за ихъ поведеніемъ; особенно зорко хранители обязаны слѣдить за женщинами.

Погребеніе въ Абиссиніи совершается вскорѣ послѣ смерти; оно откладывается до другаго дня лишь тогда, если не успѣли погребсти покойника въ день смерти до захода солнца, или если самая смерть случилась уже по заходѣ солнца. Мертвыхъ хоронятъ безъ гробовъ, обыкновенно въ склепахъ. Бѣдныхъ закапываютъ прямо въ вырытую въ землѣ яму. Склепы тщательно закрываются досками и камнями и присыпаются сверху землею. Когда нужно похоронить кого-либо въ семейномъ или родовомъ склепѣ, откидываются земля и доски, слуги входятъ въ склепъ, отодвигаютъ прежнія кости въ сторону, очищаютъ мѣсто и кладутъ туда новый трущъ. Бываетъ, что склепъ наполняется костями до верху.

Послѣ погребенія духовенство и родственники собираются въ домъ покойнаго на поминальную трапезу. Кромѣ того друзья и сосѣди поселяются въ домъ у родныхъ умершаго на 2—3 дня для утѣшенія скорбящихъ.

Въ 3-й, 7-й, 12-й, 30-й и 40-й, полугодовой и годовой

дни послѣ смерти, совершается литургія и бываетъ поминовение умершаго. Богачи заказываютъ сорокоустъ, непрерывное чтеніе на могилѣ псалтири и положенныхъ молитвъ. Это дѣлаютъ всѣ участвовавшіе при погребеніи причты по очереди въ теченіе сорока дней. Но самое главное, это— „таскаръ“, заключительное поминовение, которое случается безразлично въ какой-угодно день, иногда чрезъ два или три года послѣ смерти; словомъ, пока родные успѣютъ сдѣлать нужныя къ этому торжеству приготовленія, которыя дѣйствительно достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Одинъ таскаръ въ состояніи разорить самаго состоятельнаго богача. На таскаръ приглашаются всѣ лица, бывшія на погребеніи умершаго. Для ихъ помѣщенія строится большая куца, могущая вмѣстить, сколько предполагается народу. Наканунѣ таскара вечеромъ все духовенство собирается въ храмъ. Здѣсь послѣ литургіи совершается поминовение умершаго, которое длится всю ночь. За это время псалтирь прочитывается нѣсколько разъ, распредѣленная по частямъ между клиромъ и народомъ. Бываетъ, что въ одну эту ночь соединенными усиліями всего стоящаго въ храмъ народа псалтирь прочитывается сто разъ. На другой день всѣ собираются въ куцѣ, гдѣ имъ предлагается грандіозный обѣдъ. Таскаръ продолжается нѣсколько дней. Весь народъ, собравшійся на это торжество, питается изъ средствъ родственниковъ поминаемаго покойника. Статистикъ пришелъ бы въ ужасъ, если бы полюбозытствовалъ узнать о количествѣ затраченнаго на одинъ таскаръ провіанта. Тутъ бы онъ услышалъ такія баснословныя цифры: 100 быковъ, 200 овецъ, 600 мѣръ хлѣба, 200 бочекъ вина, 40 кадокъ масла, 100 бочекъ меду и проч..

На таскарѣ особенно выдвигаются алкачи—риторы. Они говорятъ и говорятъ безъ умолку. Тутъ можно услышать чуть-ли не всю исторію Эѳіопіи.

Е. Долганевъ.
